

Матвеева Н.Г.
УПРАВЛЕНИЕ – ФАКТ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

Как и другие правила, касающиеся употребления языковых единиц, нормы управления не являются вечными и нерушимыми. Более того. Есть основания говорить об их особой подверженности к изменению и вариативности.

Известно, что даже опытный, хорошо владеющий литературным языком лектор, выступая без подготовленного текста, почти всегда допускает отклонения от синтаксических норм. Примечательно, что многие нарушения такого рода практически не влияют на содержание речи и часто даже остаются не замеченными слушателями (обнаруживаясь уже впоследствии при чтении стенограммы).

С другой стороны, требования логической стройности и последовательности самого мышления, как и стремление к упорядочению форм соединения слов, ведут к постепенному сокращению вариативности и в управлении.

Мнение некоторых исследователей о росте синтаксической вариативности в современной устной и письменной речи в целом представляется сомнительным. Напротив, есть свидетельства того, что вариантность управления в прошлом была гораздо большей. Например, слово *надежда* управляет сейчас только винительным падежом с предлогом *на*: *надежда на выздоровление*. В текстах же XVIII в. встретились четыре формы управления: 1) *надежда* о чем; например: *Уже не имел надежды о его исцелении* (Болотов, Записки); 2) *надежда* к чему; например: *Надежда к возвращению здравия ее была незрима* (Елагин. Приключения маркиза Г.); 3) *надежда* чего; например: *Надежды безвозмездия* (Радищев. Житие Ушакова); *Надежда выигрыша* («Московский журнал», 1791); 4) *надежда* на что; например *Надежда на правосудие судей* («Московский журнал», 1791).

Как и при варьировании на уровне слова (колебания в ударении, произношении и т.д.), вариантность форм управления является следствием развития языка и определяется внутрисистемными и внешними факторами.

Можно думать, что в процессе эволюции синтаксических форм находит отражение и общее развитие человеческого мышления в сторону абстрагированности и замены конкретно-пространственных представлений более отвлеченными формами соотношения понятий. В этом смысле показательна, например, утрата предлога *от* в конструкциях, генетически связанных с пространственными взаимоотношениями. Например, глагол *сторониться* в литературном языке XIX в. употреблялся во всех значениях с предлогом *от*: *Люди сторонились от черных фур с трупами* (Герцен. Былое и думы); - *Хорошо ли будет, если я буду избегать общества, сторониться от каждой женщины?* (А. Островский. Блажь); *Агент сторонился от ухаживаний и долго отказывался от обедов* (Чернышевский. Что делать?); *Он никогда не отличался общительностью, а за последний год стал еще больше сторониться от людей* (Куприн. Лесная глушь). Нормой современного языка становится беспредложный (и лишенный пространственного представления)

оборот сторониться кого, чего: сторониться транспорта, друг друга, общества, людей, развлечений и т.п.

Следует отметить, что в реальной жизни языка изменение синтаксических потенций слова происходит обычно в результате воздействия не одного, а нескольких факторов. Типичным примером варьирования, возникшего в связи с неэквивалентностью содержания и формы и последующим воздействием аналогии, может служить параллельное управление у глагола *вершить*; *вершить* что (судьбы) или *вершить* чем (судьбами). Судя по письменным источникам прошлого, глагол *вершить* в XVIII-XIX вв. был переходным и употреблялся в значении «оканчивать, совершать» с узким кругом семантически близких слов (*вершить суд, дело, судебное дело*). «Валентность» этого глагола начинает практически изменяться лишь в XX в. Он вступает теперь уже в сочетание со словами *история, судьба* и т.п., первоначально опять-таки требуя от управляемых существительных только винительного падежа: *вершить историю* (Слуцкий), *вершить судьбу* (Фадеев). Воздействие нового окружения (т.е. новой формы) приводит к появлению нового содержания – значения «распоряжаться, управлять». Этому содержанию перестаёт соответствовать старая форма – винительный падеж. Под влиянием внешней аналогии глагол *вершить* перенимает новую форму управления (творительный падеж) у синонимичных слов *управлять, распоряжаться*.

Такова одна из общих и очень продуктивных схем образования варьирования и сдвига нормы в управлении.

Естественно, что действие аналогии ведет не только к изменению нормы, но и к многочисленным ошибкам в управлении. Например, появление нового значения у глагола *тормозить* – «мешать, препятствовать» сопровождается автоматическим подравниванием в форме управления синонимичным глаголом. Возникает форма *тормозить* кому, чему вместо правильного управления *тормозить* что (*тормозить работу, строительство* и т.п.). Ср. в прямой речи: – *Бригадир тормозит мне* (Троепольский. У крутого яра). Под влиянием конструкции *пренебрегать* кем, чем возникает ошибочное употребление у глагола *игнорировать*: *игнорировать* кем, чем вместо правильного *игнорировать* кого, что. Например: *Руководители явно игнорируют дальнейшим развитием производства*. Нередко отступления от норм являются следствием воздействия форм управления у однокоренных слов. Ошибочные конструкции: *участник в борьбе, удивленный решению* (вм. *участник борьбы, удивленный решением*) появились в результате незаконной подстановки формы управления слов *участвовать* (в чем), *удивляться* (чему).

При нормативной оценке вариантных форм управления закономерно возникает трудноразрешимая и, в сущности, вечная проблема: как отграничить реальные и неизбежные изменения синтаксических норм, обусловленные воздействием аналогии и других факторов, от речевых ошибок, которые часто вызываются практически теми же причинами?

К сожалению, единого и строго объективного критерия такого разграничения нет, что, в общем-то, и естественно, так как многие продуктивные новообразования зарождаются в разговорно-просторечной

стихии и на первых порах часто вызывают неодобрение и даже резкое осуждение. Думается, впрочем, что некоторые общие принципы различения правильного и неправильного могут быть найдены. Так, если новая форма управления позволяет четче разграничивать разные значения слова (т.е. содействует осуществлению принципа единства содержания и формы) либо несет функционально-стилистическую или иную полезную нагрузку и при этом регулярно воспроизводится в письменной речи (особенно у писателей), то ее уже вряд ли можно считать отклонением от нормы.

Так, едва ли правы те, кто осуждает весьма продуктивное и жизнеспособное управление *поражаться* чему, возникшее под влиянием синонимических конструкций *удивляться* чему, *изумляться* чему и отграничивающее новое значение глагола *поражаться* («сильно удивляться») от исконного «подвергаться поражению». До последнего дрался «Стерегущий», весь мир поразился его отваге (Сартаков. Хребты Саянские); Когда он до конца понял ее, то поразился той выносливости, которой отличалась эта тихая светловолосая женщина (Николаева. Жатва). С другой стороны, конструкция *поражаться чем* (*отвагой, мужеством, благородством* и т.п.) постепенно выходит из употребления.

Конечно, степень освоения литературным языком новых форм управления различна. Нормативные «рецепты» для каждой из многих сотен нарождающихся синтаксических конструкций могут быть даны лишь в словаре, подчиненном этой особой задаче. Следует при этом учитывать, что расшатыванию традиционной синтаксической нормы способствуют как стилистические и иные свойства самого управляющего слова, так и различные фразовые особенности употребления. Например, широкий диапазон варьирования форм управления характерен для некоторых разговорных слов: *убиваться* по ком, по кому, о ком; *умиляться* кем, кому, на кого; *чутье* чего, на что, к чему. Активизация употребления и расширение смысловых и лексических связей ведет к росту вариантных форм управления *стимул* чего, для чего, к чему; *прогноз* чего, о чем, относительно чего.

Ослабление нормативных синтаксических связей наблюдается при отрыве (так называемой дисконтактности) управляющего слова и управляемого. Правильно: *получать доход* от чего (*от промышленности, от торговли* и т.п.), *но извлекать доход* из чего (*из промышленности, из торговли* и т.п.). Однако при инверсии и отрыве управляемых слов даже в авторитетных изданиях можно встретить, например, такие фразы: *От реализации продукции предприятие извлекает* (вм. *получает*) *значительные доходы*.

Амортизация норм управления происходит в результате влияния устойчивых сцеплений слов (словоблоков) и переразложения трехчленных словосочетаний (*например: подвести итоги – соревнованию > подвести итоги – соревнования*), а также вследствие усечения (эллипса) синтаксических конструкций.

Не следует думать, что варьирование форм управления всегда является избыточным и поэтому лишь препятствует речевой практике. Наряду с действительно излишними синтаксическими дублетами имеется немало таких параллельных форм, которые обладают определенным функциональным

своеобразием. Чаще всего это выражается в особой лексической сочетаемости, связанной с оттенками значения управляющего слова.

Например, слово *договор* в обобщенном значении «соглашение» употребляется с предлогом *о*: *договор о мире, о дружбе, о взаимопомощи, о соревновании* и т.п. В более конкретном значении «деловое, торговое соглашение; контракт» употребляется и конструкция *договор на что*: *договор на перевозку грузов, на поставку оборудования, на продажу тары* и т.п. В издательской практике используется только конструкция *договор на что*: *договор на книгу, на брошюру, на сборник* и т.п.

Показательны в этом отношении и особенности форм управления у слова *контроль*. Судя по материалам современной литературы и прессы, конструкции *контроль за чем и над чем* в одинаковой мере допустимы в сочетании со словами глагольного происхождения, обозначающими действие, процесс. Например: *контроль за (или над) выполнением, соблюдением, использованием, расходом, распределением, внедрением* и т.п. Применительно же к отвлеченным словам типа *промышленность, запасы, средства, ресурсы, энергия, оружие, финансы* и т.п. чаще употребляется конструкция *контроль над*. Обычно говорят: *контроль над расходами, контроль над рождаемостью*. Употребление беспредложной конструкции (*контроль чего*), как правило, ограничено рамками официальной и профессиональной речи: *контроль деятельности администрации, диспетчерский контроль движения поездов* и т.п.

Социально-профессиональная закреплённость характерна и для многих других вариантных форм управления. Например, у геологов в ходу такие обороты, как *разведка на нефть, на золото*. В профессиональной речи сохраняются прямое дополнение при глаголе *наблюдать* и приименной родительный при существительном *наблюдение*. Например, у военных: *наблюдать движение пехоты, наблюдение цели*; у врачей, биологов: *наблюдать больного, наблюдение природы*; у астрономов, метеорологов: *наблюдение светил, наблюдать направление ветра* и т.п.

Разнообразны и лексико-грамматические особенности в применении вариантных форм управления. Многие традиционные способы синтаксической вязи сохраняются и остаются предпочтительными в фразеологических выражениях, в инверсированных оборотах, при вопросительной интонации и т.д.

Так, постепенно устаревающий дательный приименной прочно удерживается в некоторых глагольно-именных словосочетаниях и устойчивых выражениях. Например, в обычных именных сочетаниях говорят *конец чего*: *конец веревки, конец рабочего дня, у конца села, в конце зимы*. Форма с дательным падежом (*конец чему*) употребляется в особых конструкциях: *класть (положить) конец чему, наступил (настал) конец чему, нет (не будет) конца чему*, а также с предшествующим местоимением (*всему, этому* и т.п.). Ср. в типичных фразах: *положить конец зверствам, настал конец войне* и в классической литературе: *А капризам ее нет конца* (Гоголь. Сорочинская ярмарка); *Всему в мире есть конец* (С. Аксаков. Семейная хроника).